

этомъ языкѣ. Это изумительно, это возможно только у насъ.

Одѣльные члены націи борются, страдают, горятъ въ огнѣ небывалыхъ жертвъ и напряженій, а народъ, какъ таковой,—безмолвствуетъ. Народъ безмолвствуетъ, словно онъ внѣ истории. И теперь, когда Европа внимаетъ всѣмъ, его словомъ никто не интересуется. И никого за это винить нельзя.

Какъ это ни грустно, но виноваты въ этомъ только мы, наша печальная история безземельнаго народа. На историческую арену выступили самые крохотные народы, можетъ быть, пигмеи по сравнению съ нами, но у нихъ есть одно незамѣнимое богатство: они золотыми нитями привязаны къ своей землѣ, и они поэтому—только поэтому—сами творятъ свою историю. Пока мы не соткали этихъ золотыхъ нитей, не имѣемъ родной почвы подъ ногами, нашу исторію будутъ творить другіе. Народъ, чью исторію творятъ другіе, въ эти дни остается внѣ общаго потока...

Какъ это ни грустно, но будущій историкъ этихъ дней быть можетъ насъ и не замѣтитъ. Намъ отмѣтить лишь штабъ дѣйствующей арміи.

Въ эти дни.

Въ одной изъ своихъ поэмъ С. Черниковскій рассказываетъ эпизодъ изъ недавняго прошлаго. Два брата еврея, сражающіеся одинъ въ турецкой, а другой въ греческой арміи, встрѣчаются на полѣ сраженія. Въ горячей схваткѣ убиваютъ они другъ друга и только въ предсмертныя минуты братъ узнаетъ брата.

Эта трагедія, которая въ рассказѣ поэта казалась намъ далекой и необычной, въ переживаемые нами дни стала близкой и обыденной, и происходить она на всемъ необъятномъ мировомъ полѣ сраженія.

Все чаще и обычнѣе рассказы объ евреяхъ, которые отъ убитаго ими въ сраженіи врага слышали предсмертный крикъ ««Шма Исроель»».

Позвидимому это уже не легенда, переносимая съ мѣста на мѣсто, но фактъ, происходившій въ различныхъ мѣстахъ.

Въ мѣстахъ, занятыхъ непріятелемъ, въ Іомъ-кинуръ въ синагогу приходили молиться германскіе солдаты-евреи. Цѣлый день стояли они, эти люди, чьей-то жестокой и слѣпой волей брошенные въ чужую страну, блѣдные и истощенные отъ долгихъ лишеній и мукъ, черные отъ пороховою копоти,—стояли они, и молились, и плакали. Русскіе евреи не подходили къ нимъ и не заговаривали съ ними. Закутанные въ талисы и бѣлые саваны, молились и плакали въ свою очередь и они, эти несчастныя жертвы войны, попавшія въ полосу ничего не щадящаго, все истребляющаго мирового пожара. Чуждые другъ-другу, стояли они, и на томъ же

древнемъ и таинственномъ языкѣ Библии читали одну и ту же молитву о потерянной отчизнѣ, о разсѣянномъ народѣ и о томъ времени, когда страхомъ Божиимъ преисполнятся все творенія и объединятся все созданія въ единый союзъ, чтобы отъ всего сердца исполнять волю Всевышняго.

Въ одномъ городѣ Литвы плѣнный австрийскій офицеръ крикнулъ толпѣ евреевъ, мимо которыхъ вели плѣнныхъ: «Iwri onojchi». Поблѣднѣли лица, судорожно сжалась сердца, но никто не откликнулся. Отвернулись отъ чужого, отъ врага.

Зашаля еврейскій домъ нѣмецкій постой. Вошелъ нѣмецкій солдатъ, увидѣлъ на стѣнѣ портретъ Теодора Герцля и заплакалъ.

Это только нѣкоторые изъ цѣлаго ряда легендъ и рассказовъ, словно символизирующихъ трагедию разсѣянаго народа, безъ цѣли и смысла мечущагося по миру.

Невообразимое поле сраженія раскинулось тамъ, гдѣ живетъ почти весь еврейскій народъ. По его бѣднымъ и шаткимъ очагамъ, по его жалкому благосостоянью, накопленному горькимъ трудомъ, созданному слезами и кровью многихъ поколѣній, прошла растаптывающая, какъ нога прохожаго муравейника, тяжелая, беспощадная и невидящая пята войны.

Но не только жертвами, кровью и разоренными очагами оправдываются страданія еврейства.

Въ началѣ войны мы легко и безъ жалобы перенесли страданія, вызванныя войной. Бѣдствія эти, какъ бы тяжелы они ни были—общія, уравнивающая и объединяющая всеѣхъ. Пришло и то страшное, чего мы боялись, пришло и испытаніе изъ пасивныхъ мѣстъ, опутала и закрыла отъ насъ солнечный свѣтъ густая и липкая паутина ненависти, презрѣнія и клеветы. Къ разрушеннымъ очагамъ прибавились тысячи и десятки

тысячъ душъ, опустошенныхъ на вѣки, омраченныхъ несмыслимой, пригибающей къ землѣ обидой.

Докатилась война и до далекихъ, освященныхъ исторіей мѣстъ, съ которыми связана жизнь еврейскаго народа. Двигутся войска у подошвы Синая, гдѣ изъ невѣдомой людямъ могилы поднимается тѣнь Моисея. Слышится гулъ сраженія у полосы Чернаго моря, черезъ которое проходили евреи, уходя изъ страны рабства.

Какъ тысячелѣтія тому назадъ, изъ черныхъ шатровъ козлей шерсти — шатровъ Кедрара — скликаются воины. На верблюдахъ мчатся вооруженные дerviши, и рядомъ съ ними черезъ пески пустыни тянутся пулеметы и крупновскія пушки.

Въ свергающемъ раскаленномъ воздухѣ надъ вѣчной пустыней рѣютъ огромныя стальные смертоносныя птицы и хищными всевидящими очами обозрѣваютъ они безбрежную даль пустыни, по которой Моисей сорокъ лѣтъ велъ свой народъ къ свободѣ и странѣ обѣтованной. Страаннымъ, зловѣщимъ гудѣньемъ будятъ онѣ пески, гдѣ донынѣ спятъ Меравецы пустыни.

«Древній могущій народъ, носители Божьей святости, Но непокорно горды, какъ хребты арабскихъ ущелий, Шли на вождя своего и съ Богомъ бороться хотѣли.

И заточилъ ихъ Господь, и обрекъ ихъ на сонъ безъ исхода,

Грозный великій урокъ и память для рода и рода...

Есть на землѣ ихъ потомки: зовутъ ихъ народомъ

«Исраиль»...

Грозятъ война и огонь и странѣ Библии, странѣ неутраченного тысячелѣтняго томленія народа, странѣ его скорби и его надежды, движутся войска по долинамъ и горамъ Гудеи, съ которыхъ тысячелѣтія тому назадъ пророки провозвѣстили время, когда

«...Надъ воскресшею землей
Утихнетъ гулъ борьбы кровавой,

Угасяет пылъ вражды на вѣкъ,
Иною доблестью и славой
Гордиться будетъ человѣкъ».

И повсюду, во всемъ мирѣ, во всѣхъ многомиллионныхъ арміяхъ всѣхъ народовъ и племенъ, сражаются евреи, и въ каждой арміи выказываютъ они чудеса храбрости, геройски защищая знамя, подъ которымъ они стоятъ, и во всѣхъ бояхъ встрѣчаются и убиваютъ брать брата и умираютъ они, нося въ душѣ и на устахъ крикъ «Шма-Исроель».

Переживаютъ теперь и другіе народы тяжелыя испытанія; у иныхъ борются брать противъ брата—хотя и не въ такихъ размѣрахъ и не на такомъ протяженіи, какъ евреи—но тамъ есть для страданія и жертвъ смыслъ и оправданіе. Тамъ есть надежда, что за этой братской борьбой послѣдуетъ національное объединеніе оторванныхъ другъ отъ друга, сражающихся братьевъ, тамъ есть вѣра, что изъ этихъ страдавшихъ родится народное будущее, есть сознаніе, что въ заревѣ мирового пожара, въ аду ненависти и крови восходитъ заря новой жизни для ихъ многострадавшихъ народовъ, что на поляхъ, обильно политыхъ братской кровью, поднимаются ростки новаго свѣтлаго будущаго, что пыльнымъ цвѣтомъ взойдутъ на нихъ, черезъ ряды мокольных, безустанно и бережно дѣляемыхъ историческія надежды, что тамъ «убиваютъ и приносятъ себя въ жертву, чтобы изъ жизни выковать что-то новое».

У насъ нѣтъ этого утѣшенія.

Гдѣ видятъ и гдѣ ищутъ нашъ народъ то небо, въ которомъ за клубами дыма, за багровымъ пламенемъ пожара забрезжилъ хоть первыи, робкій лучъ нашей народной зари, нашего народнаго будущаго?

Гдѣ оправданіе для нашихъ жертвъ и мучъ, самыхъ тайныхъ и открытыхъ?

Наши жертвы и наша смерть безъ цѣли и безъ смысла, «какъ наша жизнь, безъ смысла прожита».

Какъ паростающій рокоть приближающагося моря крыльевъ въ раннюю весеннюю пору, что-то движется и бродитъ въ челоуѣчествѣ.

Пробуждается и растетъ сильный и яркій подъемъ национальныхъ стремленій народовъ, давно казавшихся мертвыми и исчезнувшими со страницъ исторіи.

Слышится голосъ племени, донынѣ безмолвныхъ и забытыхъ. Въ кругозоръ исторіи попадаютъ и неудержимо рвутся попасть не только такіе народы, какъ поляки, армяне, арабы и др., но и болѣе мелкія народности, какъ литовцы, латыши, албанцы, бѣлоруссы и т. д. Выплываютъ на поверхность исторіи крошечныя государства, о существованіи которыхъ рѣдко кто знаетъ, и каждое изъ нихъ, можетъ быть, единственный давъ въ своей исторической жизни, и на мгновенье, чувствуется и замѣтно въ мировомъ вихрѣ.

У всѣхъ народовъ и племенъ есть сознаніе, что теперь или никогда пробилъ часъ для борьбы за национальное возрожденіе, за свободу, за свой клочекъ земли, за свой уголокъ подъ солнцемъ.

И въ этотъ единственный часъ пробужденія народовъ и племенъ, когда близки къ осуществленію самыя несбыточныя мечты и стремленія, когда и у самыхъ блѣдныхъ и нерѣшительныхъ кружится голова отъ дерзновенныхъ надеждъ и отъ неудержимаго полета въ высь въ этотъ моментъ одинъ только народъ въ мирѣ—народъ еврейскій—ничего не ждетъ и ничего не требуетъ для себя, для своего народнаго будущаго. Одинъ онъ, тревожимый и волнующий болѣе всѣхъ, остается безъ стремленій и порывовъ, и если есть у него надежды, то онѣ тусклыя, безкрылыя, стелющія по землѣ, неподнимающіяся надъ узкими, повседневными интересами. И для этихъ близкихъ

надежды онъ готовъ забыть и отречься отъ несмытой скитаньемъ и неугасшей во всѣхъ грозахъ чужбины царственной мечты народа.

Казалось-бы, нашъ древній народъ, умудренный безпримѣрнымъ историческимъ опытомъ, просвѣтленный величайшей, единственной въ мірѣ трагедіей двухтысячелѣтняго мученичества, болѣе всѣхъ всколыхнутый разразившейся въ мірѣ грозой,—первый услышитъ властный зовъ истории, будящій мертвецовъ.

Прогремѣлъ для него Божій голосъ съ высотъ.

Но не понялъ народъ, не услышалъ народъ.

Несмотря на всѣ перенесенныя испытанія и разочарованія, нашъ народъ, какъ народъ-младенецъ, только что вошедшій въ историю, продолжаетъ жить изо дня въ день легковѣрный все забывающій и успокаивающійся отъ каждаго доброжелательнаго слова, брошеннаго ему, какъ подачка, отъ чужой улыбки и чужой милости. При каждой вспышкѣ огня на чужихъ очагахъ, вновь начинаетъ вѣрить нашъ народъ, что у этихъ чужихъ очаговъ найдетъ онъ отнынѣ для себя тепло и уютъ...

На нашихъ глазахъ какъ-бы сбывается ужасное проклятіе современнаго поэта-пророка:

И близокъ день...
Зажгу я солнце правды и свободы
И міръ его сиянемъ я залю,
И къ новымъ небесамъ узрять народы
Нежданнѣйшій путь и новую зарю.
Но вы одни останетесь рабами;
Чужбины и позора гнетъ влача,
Вы тщетно будете молить вѣками
Хоть искру свѣта, проблеска луча.
Для васъ навѣкъ замкнутся жизни дали,
Чужие и ненужные для всѣхъ,
Лишь вы одни повсюду опоздали

И всюду встрѣтитъ васъ злорадный смѣхъ.
Я расточу моря безбрежной силы,
И радость дамъ народамъ каждый мигъ,—
Лишь вы одни безсильны и безкрылы,
Навѣкъ изсякъ и высохъ вашъ родникъ.
Толпой слѣпой, недужною, вѣками
Бродя, скитаясь изъ страны въ страну,
Склонитесь надъ чужими родниками,
Чтобъ жадными изсохшими устами
Хоть каплю влаги вымолить одну.
Но будутъ вамъ всѣ родники закрыты,
Какъ глыбы мертвыя безводныхъ скалъ;
Какъ нищій, на чужомъ пиру забытый,
Лишь мой народъ повсюду опоздалъ...